

Марек Окопиньский:

КОГДА ЕСТЬ ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА

Принято считать: режиссер-лидер, найдя свой театр, обретя общий язык с коллективом или сформировав его наново, должен оставаться в этом коллективе как можно дольше. Так действительно часто бывает, и, однако, каждый подлинный художник в рамки не укладывается, индивидуальность его живет по собственным творческим законам. Известный польский режиссер Марек Окопиньский впервые возглавил художественный коллектив в 30 лет, став в 1960 году директором театра в Зелена-Гуре [в Польше обязанности директора и художественного руководителя, как правило, совмещаются]. Энергично взялся за дело, поставил несколько хороших спектаклей, но долго в городе не задержался и уже через три года принял театр в Познани. Потом был Гданьск, потом — Торунь.

— Скажите, почему такая «чересполосица»? В руководстве театральным коллективом стабильность все же, мне кажется, предпочтительнее...

— Не всегда. Почему часто менял театры? Если откровенно: инициатива всякий раз исходила от меня. Первый сезон — «притирка», узнавание труппы. Потом — два-три сезона интенсивной работы, когда, по общему мнению, дела театра шли в гору. Но вот наступал момент, когда начинал остро ощущать: лучше, что я мог сделать здесь, уже сделано. Так случалось-складывалось: всегда работал в городе, где один театр. Отсутствовала здоровая конкуренция, в искусстве столь необходимая. Все шло слишком гладко, накатанно. Но связь с залом ослабевала, а настоящий театр не может работать вне прочных, ежедневных, постоянно укрепляющихся связей с публикой. Я начинал ощущать спад...

— И переезжали в другой город...

— Да, и так несколько раз. Окажись я в городах, где работали два, три или больше театров, наверное, задерживался бы дольше именно потому, что открывалась возможность соревнования.

— А периоды, когда организационно вы не были связаны с одним театром, — они тоже регулярны в вашей биографии?

— Совершенно верно. Убежден: в работе директора и художественного руководителя необходимо делать перерывы. Менять характер, ритм жизни. Во время «перерывов» я ставил спектакли не только в Польше, но и в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Японии. Это опять-таки давало возможность сравнения, ощущение пространства и перспективы. Без таких перемен, поворотов скорее наступает внутренняя амортизация, ты начинаешь повторяться.

— Вы упомянули о том, что в городе с двумя-тремя театрами, наверное, задержались бы дольше. В Варшаве не два театра, а куда больше.

— Варшавы долгое время избегал. Вполне сознательно. Если в провинции не хватало среды общения, то в Варшаве именно на это уходило бы слишком много сил и времени. На взаимоотношения с коллегами и прочие «околотеатральные» обстоятельства, к сценическому творчеству прямого отношения не имеющие. Хочешь ты или нет, а не счи-

таться с этим нельзя, тем более что варшавская театральная среда крайне неоднородна.

— Сказанное находится в некотором противоречии с фактами вашей собственной жизни последнего времени. Семь месяцев назад вы возглавили варшавский театр «Драматичны».

— Я возглавил, по существу, два театра — «Драматичны» и «Речи Посполитой». А противоречия никакого нет. Когда предлагается интересная работа, взвешиваешь все за и против и сморишь, что перевешивает. «Драматичны» — один из лучших варшавских театров, переживший несколько трудных лет. Найти его место в сегодняшней культурной, общественной жизни — задача чрезвычайно интересная. Думаю, это должен быть прежде всего театр современной польской пьесы. Таких пьес, отвечающих высоким идейным и художественным критериям, сейчас у нас очень мало, тем активнее должен быть поиск, теснее контакт с драматургами. Надо сделать так, чтобы наш театр обращался к самым существенным проблемам, какими живет страна. Затем — наиболее интересное, что есть в сегодняшней зарубежной драматургии, прежде всего драматургии социалистических стран. И, конечно, раз в сезон один спектакль, сделанный на основе польской или мировой классики. Без такого общения с культурой прошлого современный, именно современный театр жить не может. Планы обширные, но у нас есть, где их реализовывать: «Драматичны» располагает тремя сценами.

— А театр «Речи Посполитой»?

— Он был создан три года назад и не имеет собственной труппы. Задачи театра «Речи Посполитой» иные. У нас нет отработанной системы гастролей, подобной вашей. Театр «Речи Посполитой», при котором создан совет, состоящий из очень авторитетных представителей творческой среды, становится активным и действенным организатором творческого общения, обмена спектаклями.

— А международные театральные обмены тоже в вашей компетенции?

— В нашей. Сейчас мы занимаемся организацией международного театрального фестиваля, который состоится в Варшаве осенью нынешнего года. В нем должны принять участие театры из Венгрии, Франции, Швеции, ФРГ, Бельгии, СССР.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших контактах с советской драматургией, советским театром.

— Думаю, контакты эти можно считать давними, прочными. Если говорить о драматургии, мое первое увлечение — Леонид Леонов. С огромным удовольствием вспоминаю лично общение с Леонидом Максимовичем. Ставил «Нашествие», «Половчанские сады», «Скутаревского». Ставил «Человека с ружьем» Николая Погодина.

Если говорить о последних годах — «Гнездо глухаря» Виктора Розова в Торунь, потом «Ретро» Александра Галина. Хотел бы заметить, что эти два названия появились на польской афише почти одновременно с их появлением на

афише московской. Театр — искусство оперативное, и об этом его качестве нельзя забывать.

— А связаны ли как-то с советской драматургией ближайшие планы театра «Драматичны»?

— Думаю о «Серебряной свадьбе» Александра Мишарина. Острая, откровенная, живая сегодняшняя проблемность очень нужна нашей сцене.

— Вы ведь часто бываете в СССР. И не только бываете, но и работаете...

— В 1969 году поставил во МХАТе «Первый день свободы» Леона Кручковского, в 1963 году — «Мост» Ежи Шанявского в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского. Дружу со многими людьми театра в Москве и в Ленинграде. А что касается театральные впечатления, связанных с вашей страной... Быть может, самое незабываемое — это месячное пребывание в Ленинграде в 1958 году, встреча с Ленинградским академическим театром драмы имени А. С. Пушкина, которым руководил тогда Леонид Сергеевич Вильен. «Бег» Булгакова с Николаем Черкасовым, «Игрок» Достоевского с Владимиром Честноковым, «Живой труп» Толстого с Николаем Симоновым, «Пучина» Островского с Александром Борисовым... Это артисты огромного масштаба, и видеть их — значит послушать творческий заряд на целую жизнь.

Сейчас мне очень интересна интерпретация русской классики, которую предлагают Олег Ефремов, Анатолий Эфрос. Свежий и очень современный взгляд на советскую классику предложили Марк Захаров, поставивший «Оптимистическую трагедию» в Театре имени Ленинского комсомола, и Петр Фоменко, сделавший в Малом театре «Любовь Яровую».

— Как вы понимаете роль театра в сегодняшнем мире?

— На этот вопрос можно ответить долго, но я постараюсь быть предельно кратким. Как член ПОРП я разделяю ее идеологическую, политическую платформу и считаю, что театр должен задумываться над главными вопросами времени, над теми сложнейшими процессами политического, экономического, нравственного характера, которые происходят сегодня. Художник должен последовательно и честно искать ответы на эти вопросы, будоражить совесть, тревожить душу. И, конечно, проблемы войны и мира, от решения которых зависит дальнейшее существование человечества. То, как последовательно, разумно и реалистично поставлены эти проблемы на XXVII съезде КПСС, внушает надежду.

Некоторые говорят: не надо слишком уходить в публицистику, это не дело театра. А я припомню только одно имя: Назым Хикмет. Его пьесы, содержащие страстный призыв к миру, и высокохудожественны, и публицистичны. Думаю, они и сейчас нашли бы дорогу к сердцу зрителя. Надо помнить о традициях социалистического, о традициях прогрессивного мирового искусства. И надо работать.

Беседу провел и записал
К. ЩЕРБАКОВ.

ВАРШАВА — МОСКВА.

Соб. интервью, 1986, 22 июля